

действия является иконостас, но не как доски, а как живая стена свидетелей божьих. Если бы верующие обладали духовным зрением, считает Флоренский, они бы видели их, но они духовно слепы и поэтому видят лишь окно в мир иной – иконы, главный элемент иконостаса. Таким образом иконостас для него это «ангелофания» – явление святых и ангелов, обладающий функцией разделения и соединения ноуменальной, «горней» зоны храма – его алтаря и феноменальной, «долней» зоны. Как символ иконостас двойственен, обладает одновременно и духовными, и материальными свойствами. Также двойственен и другой символ – икона. «Икона всегда больше себя самое, когда она – небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе, как расписанной доской». (Флоренский П.А. Иконостас \ Богословские труды. М.,1972.Вып.9.С.99). Лишь в первом случае икона, достигшая своей цели, оказывается символом. Таким образом, иконописный символизм в храмовом действе выступает как религиозно – эстетическое начало, гармонично синтезирующее абстрактно- рационализированную знаковую иконописного изображения с его художественно- эстетической образностью при обязательном выполнении функции сверхчувственного познания, прикосновения к духовной сущности.

Емельянов Б.В.

Учение о сердце в православной антропологии

И. Киреевского

И.В. Киреевский получил европейское образование (слушал лекции Гегеля в Берлинском университете). Однако, не без воздействия своей жены Н.П. Арбениной, являвшейся духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, большую часть жизни находился под влиянием оптинских старцев. Это влияние было настолько велико, что он быстро укрепился в вере, а его жизнь приобрела черты аскезы и подвижничества, проявившегося в опыте издания святоотеческой литературы. Тщательная проработка им этой литературы привела Киреевского к формированию своего отношения к основным постулатам православия, а также и его понятий, как, например, «сердца», занимавшего в православной антропологии одно из центральных мест.

Православная антропология разделяет «внешнего» и «внутреннего» человека, оценивая их значение для жизни человека по-разному: «внешний человек» – это социализированный и рационализированный человек, все время двоящийся, троящийся в своих стремлениях (в представлениях Киреевского это, как правило, западный человек), а «внутренний человек», наоборот, – человек цельный в своей устремленности к Богу, любящий его и близких своих (в представлениях Киреевского это русский человек, демонстрирующий миру свою *сердечность*). Поэтому вполне естественно, что сердце у Киреевского, как и у других славянофилов, является средоточием духовно-нравственного самоопределения личности, «едва ли не главным центром, той познавательной силой, вокруг которой концентрируются силы духовного познания, цельного познания»¹¹⁸.

Сердце для Киреевского – не только главный орган человека, определяющий его существование, но и орган знания (видения), а также центр, где происходит упорядочение всех сил человека в целостность. Сердце, как «помыслы сердечные», вмещает все силы разума. Мысли, попадая в сердце извне, могут срастись с ним, а затем только попасть в человеческий разум. Хотя сердце не является собственно познающим органом (это скорее мифологема), но оно отвечает за цельную природу познающего субъекта, поскольку именно в сердце «сливаются в одно живое и цельное зрение ума», рассудка, чувства, воли. Кроме того, сердце – источник и средоточие нравственного чувства, всех добродетелей и пороков. Это придает процессу познания этическую окраску, поскольку ему могут мешать такие человеческие страсти, как гнев, воображение, самовлюбленность и т.п.

И. Киреевский предполагает, что существует сердце «собирающее», «смирненное» и сердце «расслабленное», «равнодушное», что делает человека душевно и духовно холодным. Чтобы избежать этого, требуется «растепливание сердца», чем занимаются, собственно, духовные пастыри. Действуя на сердце, «согревая его живыми образами», «увлекая теплыми изображениями божественного и святого», они наводят мысль на путь спасения. Действуя же на разум, они помогают ему «строгим судом очистить истину от лжи... и потом уже, на предварительно утвержденном основании внутреннего сознания, назидать умственную и сердечную жизнь человека в духовной нераздельности всех частных его способностей»¹¹⁹.

¹¹⁸ Буланов А. Рациональное и сердечное в теории познания и эстетике славянофилов// Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 98.

¹¹⁹ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 207.

В обоих случаях требуется углубленное самопознание, при котором человек должен подняться над своим эмпирическим «я» и подчинить эмпирию сердца тому внутреннему сосредоточию человека, которое хранит в себе неповрежденное грехом единство – «внутреннего человека». Этот взгляд в глубину своего сердца рождает у человека страдание, поскольку человек «узревает», насколько он греховен. Страдание являет собой знак искривленного страстями жизненного пути, которым идет человек, и выпрямление пути происходит лишь после покаяния или «перемены ума». Покаяние рождает онтологическую открытость человека, разрушает изолированность через сострадание, т.е. совместно разделенное страдание, которое является признаком любви.

Сердце и разум, как видим, взаимосвязаны, и И. Киреевский постоянно пишет об этом, например, в работе «О необходимости и возможности новых начал в философии»: «От невежества разума, при самых правильных убеждениях сердца, рождается ревность не по разуму, из которой... происходит уклонение разума и сердца от истинных убеждений»¹²⁰. Философ не отказывает сердцу в главной способности человека – совершенствоваться. Главное, чтобы при этом не было актуализации какой-либо одной силы человека, иначе произойдет искривление его индивидуальной цельности.

И еще об одной способности сердца – чувствовать красоту – пишет Киреевский, не отрывая, правда, этой его способности от его этико-гносеологических способностей. В работе «Отрывок из романа: Две жизни» он пишет: «Для того, чтобы чувствовать красоту и постигать ее во всей глубине..., кроме поэзии сердца надобно иметь еще... познание человеческого сердца, которое... есть основание всей житейской мудрости и которого нельзя иметь без... познания самих себя»¹²¹.

Славянофилы внесли большой вклад в утверждение в русской философии идей православной антропологии. Многие из них, в том числе учение о сердце, вошли в ткань русского идеализма от Соловьева до философов серебряного века.

Лобова Т.М.

---

¹²⁰ Там же. Т. 2. С. 299-300.

¹²¹ Там же. С. 140.